

²³ Кабытов П.С. П.А. Столыпин. Последний реформатор Российской империи. М., 2007.

²⁴ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.

*О.А. Сухова**

Трагедия России: кризис политической идентичности, или Судьба последнего реформатора Империи

В 2006–2007 гг. из-под пера известного российского историка Петра Серафимовича Кабытова одна за другой выходят две монографии, посвященные анализу жизнедеятельности П.А. Столыпина¹. На первый взгляд личность «последнего реформатора Российской империи» столь же притягательна, сколько и известна, ведь при всей неоднозначности оценок первые биографии П.А. Столыпина были опубликованы в самом начале XX века². Историографический анализ работ маститого ученого позволит нам не только разобраться в мотивации авторских предпочтений, но и ответить на вопрос о существовании и недостатках «государственной культуры», о причинах кризиса политической идентичности, что нередко выступало основным фактором деструкции государственного начала в российской истории.

В свое время В.О. Ключевский так охарактеризовал одно из условий цивилизационного выбора нашей страны: «В России развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, склонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Этот предрассудок – все от недостатка исторического мышления, от пренебрежения к исторической закономерности»³. И на страницах монографии П.С. Кабытова П.А. Столыпин предстает одним из тех немногих государственных мужей в нашей истории, чья деятельность является свидетельством политической воли и реформистского начала и одновременно доказательством наличия у российской бюрократии особого иммунитета к новациям и переменам. Трагедия Столыпина-реформатора в этом отношении заключалась в том, что реально именно этот политик воплощал собой уникальную возможность, последний шанс на сохранение империи, однако самодержавие им не только не воспользовалось, но и постаралось избавиться от не в меру ретивого реформатора.

* © Сухова О.А., 2011

Аргументы в пользу данной концепции мы находим и в работах М. Левина. По его мнению, воспроизводство архаичной политической культуры постепенно превратилось в проклятье российской истории, в которой правящий класс — главный оплот автократии — был паразитирующим классом, «и держать такой класс на верхушке социальной лестницы, рассчитывая получить от него достаточную социальную поддержку, было сумасшествием». В этом случае система была обречена, но самое парадоксальное, что царское прошлое продолжало оказывать влияние на современные события, причем, по словам Левина, вплоть до самого конца существования советской системы⁴. На этом фоне судьба Столыпина как Дон-Кихота самодержавия выглядит еще более трагично: его появление на политическом олимпе было закономерным явлением, обусловленным всем ходом российской модернизации, как естественная реакция политического процесса; его кончина связана с победой монархистов традиционного толка, бюрократической верхушки, погрязшей в коррупционной деятельности, главной задачей которой выступало исключительно сохранение своих привилегий и не более того.

В этом ключе необходимо признать весьма продуктивной интерпретацию деятельности премьера с позиций развития неустойчивых ситуаций и малых возмущений в историческом процессе, влияния субъективных факторов на развитие системы, представленную в трудах П.С. Кабытова⁵. Вывод уважаемого автора можно рассматривать двояко: индивидуальный опыт представителя царской администрации мог стать фактором сохранения равновесия системы, но, к сожалению, оказался невостребованным в своей среде, а с другой стороны, Столыпин предстает перед нами не просто как эффективный кризисный менеджер, но и политик, интуитивно ощущавший возможности управления деструктивными процессами. Соразмерность применения репрессивных мер, апелляция к системе патерналистских ценностей, политика лавирования, грамотно выстроенная программа поэтапного восстановления стремительно деградирующего механизма властно-политического регулирования — вот далеко не полный арсенал методов административного управления, реализуемых П.А. Столыпиным. Вызывающий негативизм оценок политика, представленный в работах В.И. Ленина («обер-вешатель», «уполномоченный или приказчик» русского благородного дворянства, «погромщик»), непроизвольно указывает на неординарность и эффективность применяемых методов, можно сказать, звучит как похвала⁶.

Одной из ключевых проблем исследования выступает вопрос о формировании мировоззрения будущего премьера. На первом плане у Столыпина, как отмечает П.С. Кабытов, «всегда стояла преданность монарху, подкрепляемая законопослушанием и прагматизмом», причем обремененная «в религиозно-мистическую оболочку»⁷. «Столыпин-естественник» пытался синтезировать новое знание, опираясь одновременно и на

теорию официальной народности, и на идеи славянофилов, в том числе и о земском государстве. На страницах монографии постепенно раскрываются причины личной драмы политика: как корневое противоречие в этом отношении следует выделить стремление соединить идею служения монархии и задачи модернизации. Романтические идеалы юности, представления о земском государстве не выдержали испытания политическими реалиями постреволюционной России: Столыпин был угоден монархическим кругам только в роли охранителя самодержавных устоев; неукротимой энергии преобразований, в том числе и на политическом поприще, ему не простили. Судьба премьера выступает блестящим аргументом в пользу одной из особенностей российской политической культуры: ревностное и искреннее служение монарху, равно как и реформаторская деятельность в среде этакратии, отвергались по причине их излишней крайности. Неблагодарное дело – проводить реформы в условиях молчаливого саботажа со стороны правящих кругов, почти кощунством в их глазах выглядел и стремление создать новую, недворянскую социальную опору власти. В разделе, посвященном ковенскому периоду жизни Столыпина, специально курсивом выделен один из выводов, присутствующих в современной американской историографии, «...В отличие от предшественников, *он активно интересовался сельским администрированием*»⁸. Таким образом, программа грядущих преобразований исподволь формировалась по мере становления мировоззрения Петра Аркадьевича. По сути дела, это интуитивно представленный в личной жизненной практике образ социальных потребностей России эпохи модернизации. Столыпин-помещик, сам того не замечая, слишком демонстративно нарушал этические приоритеты своей среды. К сожалению, ему не удалось стать тем малым возмущением, что могло привести к нарушению равновесия и трансформации системы.

Вместе с тем, как справедливо отмечает П.С. Кабытов, жизненный путь Столыпина есть свидетельство значительных подвижек в истории российской политической элиты. Просвещенный девятнадцатый век открыл широкие возможности для генерации нового поколения администраторов, позволив войти в высший свет «значительному числу образованных представителей провинциального поместного дворянства»⁹. Таким образом, университетское образование в дополнение к внутриполитическому кризису становилось условием, надеждой России на преодоление цикличности традиционализма, разрушение клановых оснований придворной среды.

Виртуозно отдельными штрихами рисует автор и портрет Столыпина-помещика, Столыпина-землевладельца. Страница за страницей перед нами предстает расчетливый, лишенный романтических иллюзий, рачительный хозяин. Возможно, это объясняется тем, что Петр Аркадь-

евич не входил в число крупных латифундистов: общая площадь его владений составляла 7450 десятин земли, часть имений была обременена долгами, и только капиталистическая организация хозяйства могла создать надежную материальную опору семье, претендующей на вхождение в высшую социальную прослойку. П.С. Кабытов справедливо отмечает, что Столыпин резко выделялся на общем фоне дворянского сообщества своей образованностью, эрудицией, глубиной подхода к организации хозяйства, знанием региональных особенностей¹⁰. Приобретенный им опыт административной работы в дополнение к вышеизложенному создавал новое качество — умение находить оптимальное и наиболее эффективное решение любых проблем в процессе управления имениями. Понятны и его интерес к хуторскому хозяйству, и попытки «привития» подобной формы организации сельскохозяйственного производства на своих землях и в стране в целом.

Анализ личной переписки П.А. Столыпина, представленный в монографии, позволяет констатировать полное отсутствие иллюзий относительно одного из компонентов системы патерналистских ценностей: мы не встречаем фиксации проявлений «отеческой» заботы (лицемерно представленной в качестве одной из традиций в эпистолярном наследии российского дворянства) по отношению к крестьянам, претендующим на его земли или выступающим их арендаторами («Мужички, кажется, большие лодыри [имение близ с. Акшино, Пензенская губ.]. К несчастью, мордва богаче и честнее. Эти последние пришли ко мне после обеда торговать Еникеевку, которую я и не думаю продавать. Это отдельный кусок в 262 десятины. Чтобы отделаться от них, я назначил 50 тысяч рублей. Они давали 30 тысяч, а потом 35. Их аппетит так разгорелся и они без этой земли до того сжаты, что я начинаю допускать возможности уплаты ими со временем 50 тысяч. Против этого я бы не устоял бы...»)¹¹ Подобные суждения убеждают нас в том, что Столыпин — действительно помещик новой формации, мотивация хозяйственной деятельности которого выстраивается исключительно на буржуазной основе, предполагающей получение максимально возможной прибыли. Перед нами энергичный, деятельный, успешный и прагматичный менеджер, а в дальнейшем — представитель новой когорты политиков — приверженцев либерально-технократической идеологии. Эволюция мировоззренческих установок Столыпина при этом очевидна. Стремление к гармонии и упорядоченности, к умиротворению революционизированного общества опиралось на весьма широкий спектр методов социальной инженерии: от убеждения и формирования нового экономического интереса до репрессий и манипуляции общественным сознанием. Вне морально-этических приоритетов оценок либерально настроенной общественности в монографии аргументированно доказана эф-

фективность подобной конвергенционной модели, совмещающей в себе, казалось бы, несовместимое: борьбу с «безвластием» и масштабные базисные реформы. Даже внесение раскола во внутриобщинные отношения в этом ключе можно рассматривать как снижение антигосударственного потенциала и переориентацию направленности крестьянского сопротивления.

К числу методологических новаций в работах П.С. Кабытова следует отнести анализ жизненных программ и сценариев индивидуального развития личности политика, осуществленного посредством применения биографического метода. Пожалуй, этот аспект следует рассматривать как становление нового направления в исторических исследованиях: политическая история в контексте истории повседневности, социальной психологии, а также гендерной истории. Описание внутрисемейного быта позволяет лучше понять многогранную мотивацию продвижения Столыпина к власти. Внешний антураж государственной службы был для него лишь «половинной жизнью», так как вел к разлуке с женой и детьми. Следует согласиться с предположением автора о тесной связи между осознанием смертельной угрозы для семейного благополучия и необходимостью скорейших преобразований российской действительности. Вслед за взрывом дачи на Аптекарском острове Столыпин-монархист, как точно и как всегда удивительно афористично отмечает П.С. Кабытов, «...прозрел еще глубже: само кровавое убийство царя-освободителя 25 лет назад — месть за его охлаждение к реформам, за его взявшее верх равнодушие к развитию России, пусть она даже непредсказуема и неблагодарна, косна и дремуча»¹².

Парадоксы российской политической системы созвучно общему строю работы переданы посредством анализа эпистолярного наследия политических деятелей рассматриваемой эпохи. Личное мужество, ясность ума и твердость характера, полная откровенность в выражении своего мнения — вот набор характеристик, что так импонировали императору при назначении П.А. Столыпина на должность министра внутренних дел, по словам В.Н. Коковцева. Спустя несколько лет все тот же Коковцев напишет, что «о Столыпине, погибшем на своем посту, через месяц после его кончины уже говорили тоном полного спокойствия, мало кто уже и вспоминал о нем, его глубокомысленно критиковали, редко кто молвил слова сострадания о его кончине»¹³. А император, по едкому замечанию С.И. Шидловского, выразит преемнику Столыпина пожелание не идти по стопам предшественника, который «постоянно хотел заслонить собой монарха». В этих словах и в приведенных в монографии сравнениях скрыта вся глубина трагедии российской истории, выраженная архаичностью политической культуры.

В заключение хотелось бы отметить целостность образа, созданного Петром Серафимовичем Кабытовым. Его Столыпин не просто ярчай-

ший пример традиционного беззаветного служения идее российской государственности, но и личное, индивидуальное выражение национального, русского восприятия и интерпретации вызовов эпохи, интуитивно-эмоциональное их переживание и выработка ответов на них посредством формирования личной жизненной программы. Остается только сожалеть, что в российской действительности силам медиации достаточно успешно противодействуют идеи традиционализации и цикличности развития.

Примечания

¹ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006; Второе издание монографии, исправленное и дополненное, увидело свет в столичном издательстве РОССПЭН в 2007 г.

² См., например: Изгоев А.П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М., 1912.

³ Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории: соч. в 9 томах. М., 1987. Т. 9. С. 427.

⁴ Левин М. Имеет ли прошлое значение? Какое и почему? // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития / под общ. ред. А.М. Никулина. М., 2007. С. 13–14.

⁵ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006. С. 42.

⁶ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. 2-е изд. М., 2007. С. 35.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Там же. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹ Там же. С. 63.

¹² Там же. С. 107.

¹³ Коковцев В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 7–8.